

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Заграничная. (Борис уходит в переднюю). Не закрыл на ключ. (Подумав, быстро ныряет в комнату Бориса и скоро возвращается ошеломленный). В книге Булгакова предсмертное письмо. Борис. Смысл только усек. (Его лихорадит). Главное — вида не показывать.

БОРИС (появляется). Трясет вас.
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. После вчерашнего.

БОРИС. Руки не дрожат?
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я не последний пьяница. (Борис, причисываясь, уходит в свою комнату). Делать-то что? Надо делать что-то. Сон в руку. (Портрету). Беда у нас, Лизанька. И ты просмотрела. Помета врзалась. Семнадцатое. Ночь четверга. Он уже мог быть похоронен? Мой Боренька? И сердце не вешун. В четверг ночью я с преферансистами из оперного пулюку расписывал. Пулюку! Бог спас. Только спас ли? Дочь его вызвать с внуком? Глупо. Проглядел. По виду все обычно. Он зубы чистит и причисывается. (Ходит, садится, ходит). Лучше бы нервничал. Яснее было б все. Вреался мне этот четверг. Скандал устроить? На веки враг. И поможем ли скандал? Господи, надоуми! Средство от смерти. Жизнь. Глупо сказало. А почему глупо? Нерв обнажен! А может, все прошло? Бронзовые часы разобрал. Вся жизнь его передо мной мелькнула. Стой, стой, стой. (Входит Борис). Умаялся после выездного?

БОРИС. Я уже давно на ногах.
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Стал закрывать комнату. Нумизматика брошена, филателия забыта. Очередная страстишка? Какая?

БОРИС. Могли бы догадаться. (Факристу-ет). Большой круг внимания! Малый круг.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Погоди. (Сосредоточенно оглядывает комнату). Не изменилось ничего.

БОРИС. Неудивительно, что вы не получили звания народного.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Естественно, Боренька. В театре сделать человека бесталанным ничего не стоит. Документы на звание потеряли, ставку не повысили. И никому нет дела. Ни в театре, ни в городе.

БОРИС. Ерунда все это.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Правду можно говорить только близким. (Борис ходит по комнате). Ты ведешь себя как-то уж слишком общо.

БОРИС. А как прикажете мне себя вести?
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (насмешливо). В семье и так денег нет. (Перестает свистеть).

БОРИС. В моем детстве эта квартира была островком вкуса. Она не видела амикошности, не слышала актерских матюгов. Здесь звучала французская речь. Бывали ученые и музыканты.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вокруг твоей матери всегда витала аура какой-то исключительности. И у нее, и у меня были хвосты поклонников.

БОРИС. Куда все это ушло?
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я кое-что помню из своего английского. Кофе бы, Борис Евгеньевич. Готовьте, а я вам кое-что прочту а l'heure ouvert.

БОРИС (входя в кухню). Любуясь своим тремоло?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я много читал с астры и по радио. (Промолк). Из статьи Бартошевича. Ее подзаголовок — «Энтони Шер в роли Ричарда Третьего» (Очень громко). «В наши дни Англия может оказаться свидетельницей ситуации нетрадиционной для театра двадцатого века. К новому поколению актеров принадлежит...» Тут идут имена. «Что важно и что объединяет их — ни пришли в большие театры Англии из экспериментальных студий, принесли с собой предчувствие нового театрального языка, который начал углубляться в актерское искусство «Фринджа». Забыл английский, не с кем говорить. (Достал из шкафа минавторный словарь). «Фриндж». Можно перевести как искусство непризнанного меньшинства. «Из «Фринджа» в Королевский Шекспировский театр пришел и Энтони Шер. В 1984 году он сыграл в Страдфорде Ричарда Третьего и сразу вошел в самые первые ряды английского актерства». (Замолчав, подходит к окну, незаметно выглядывает на улицу из-за портьеры).

БОРИС (входит с кофейными чашечками). Сколько вчера пропяти, папенька?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Червонец. За квартиру заплачу в день пенсия.

БОРИС. Квартира за вами, кухня на мне. (Евгений Николаевич трет виски). Одеваться!

Уходит. Евгений Николаевич в своей комнате пытается петь что-то бодрое. Появляются одетыми к завтраку.

БОРИС (вносит кофе). Запах кофе люблю больше самого кофе.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (снова трет виски). Что-то и вправду трясет. Коньячку бы?

БОРИС. И не подумано. Не меньше четвертой пропяти.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Капельку. В кофе. (Махнув рукой, уныло пьет кофе).

БОРИС. Репетиция у меня.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (достал часы на цепочке). Рано еще. (Снова и снова открывает

Владимир БАЛАШОВ

БРОНЗОВЫЕ ЧАСЫ

(СЦЕНЫ ИЗ ПЬЕСЫ)

крышку). Павел Буре.

БОРИС. До женьгибы, в НЭП куплены.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Лизанька любила играть их цепочкой, когда она была золотой. (Прячет часы). Мир опрощается.

БОРИС. А может, опрощается не мир, а мы?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. А роль-то у тебя опять без ниточки.

БОРИС (со звоном бросив чайную ложку об стол, в тихой ярости). Я просил никогда не заговаривать о театре.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Мне нельзя говорить о театре, а тебе можно?

БОРИС. Мне можно. Потому что это — мое. Еще живое!

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (кричит). А у меня уже все атрофировано? И о чем тогда говорить?

БОРИС. О бабах.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. На девятом-то десятке? (Выглядывает из-за портьеры в окно). Она стоит на той стороне улицы!

БОРИС (идет к окну). Исчезла.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ты шел к окну с лицом убийцы. Завел романчик с режизнаторшей?

БОРИС. Не думал, что вы знаете.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Об этом знает весь театр.

БОРИС. Мне остается жить, не зная, что об этом все знают. (Ходит). За всю жизнь я ни разу не играл подшофе и ни разу не опоздал на репетицию. Ни разу.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я обижена, Борис Евгеньевич. До глубины души.

БОРИС. Чем?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (твердо). Ни-чем. Пустяки.

БОРИС. Будете говорить? (Вдруг пригладывается к отгу). Вы как будто бы некрупный,

к публике. А любое приспособленчество — смерть театру! Во мне говорит озлобленность на мир? Может быть. «Но злость это тоже стимул искусства», — говорил Мейерхольд. Ужасно, что под свободой творчества главреж понимает только свою свободу, а не свободу пострадавшего театром актера». (Завонил телефон. Евгений Николаевич выдергивает шнур из розетки и долго ходит, чтобы успокоиться. Вернулся к письму). «Я остался один. Актерское товарищество погублено. Любое слово против лжи и в защиту оскорбленного достоинства — начало человеческого конца. Ваш Б. Гальский. Семнадцатое. Ночь». Постскриптум. «Жалею только об одной несыгранной роли». (Молчит). А я в этот час пулюку расписывал. (Долго молчит. Подходит к телефону, подключив его, набирает номер). Володя, вы еще не ушли? До театра вам шаг. Я коротко. Не забейте ко мне? Бориса днем не будет. На четверть часа. Вы же одноклассник. Из курса самым талантливым оказались вы. Старик Гальский редко льстит. Некоторая комплиментарность в крови воспитанных людей. (Слушает). Я знал, что вы не откажете. Только не говорите об этом Борису. Бегите, бегите. (Положив трубку). Переписать для него письмо. Не дай Бог, Борис наярнет. (Достает папку, берет ручку, чистый лист и переписывает). Это же ад. (Смял свой лист). О письме Володе промолчу. Скажу, что Борису безумно трудно, что он готовит сцену из «Ричарда III». Студийная работа, не поможет ли? (Осторожно уносит раскрытую книгу с письмом в комнату Бориса. Закрывает комнату). На благо замок не меняли. (Заворачивает ключ в сматый свой лист, уносит к себе. Возвращается, убрал папку). Все шито-крыто. (Вытирает пот со лба. Берет журнал, садится в кресло, достает очки. Читает любясь бархатностью своего голоса). «Через несколько месяцев после премьеры, когда спектакль шел в Лондоне, Шер издал книгу «Год короля» — свой дневник». (Оглядывает шкаф). Не хватает бронзовых часов. (Закрывает журнал). О покойнике забыть. Это добьет его. (На лестничной клетке лай болонок и шум ссоры соседей).

КАРТИНА ВТОРАЯ
Прошло несколько дней.

Та же гостиная. И под претером в вазе те же засохшие цветы. Разговор о Ричарде не возобновляется.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (сидит в очках за овальным столом, заваленным папками с программками спектаклей, газетными вырезками и фотографиями). Все, что я пишу — бессвязно. Но ведь зачем-то Бог сохранил меня до девятого десятка? Для Бориса. (Отложил ручку). Мемуары надо писать шестидесятилетним. (Сидит, закрыв глаза). Не дай, Господь, видеть муки детей своих. (Решительно завязывает папки, уносит их в свою комнату, возвращается). Давно я халат не стирал. (Обнюхивает плечи). Зато запах привычный. (Подходит к двери Бориса. Хотел постучать, не решился). Достал четыре перевода трагедии. Подсовывал ему. Даже не открыл. И статью не прочел. (Звук открываемой изнутри двери. Евгений Николаевич отбегает от нее. Появляется сияющий Борис). Явление Христа народу.

БОРИС. До обеда четверть часа. Вы не хотите послушать что-нибудь из нашей фототеки? По вашему голосу соскучился. Пренежму. Живе он достаточно противен.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Эпохальное хамство.

БОРИС. Включите бунинский «Перевал»? **ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ** (после молчания). А меня ты спросил, что я хочу послушать?

БОРИС. Что вы хотите послушать?
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Послушаем, Боренька, Чехова?

БОРИС. Мемуарами занимались?
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Одна москвичка называла мемуары — меморием. (Убирает остатки архива в низ шкафа). Располагаясь в кресле. (Уходит и возвращается с портативным магнитофоном). Послушаем сцену Вершинина и Машин Вершинин — я, Маша — твоя мать. Господи, а ведь это все было.

Борис удобно усеялся в кресле, Евгений Николаевич ставит кассету, включает воспроизведение и падает в свое кресло. Слушают сцену из второго акта «Трех сестер». И можно понять по их поведению, что прошлое странном образом накладывается на синопичное, возвышая его. Магнитофон щелкнул. Запись кончилась. Но тут в комнате Бориса, как бы продолжая запись, заиграли старинные часы. Евгений Николаевич хотел вскрикнуть, Борис остановил его жестом. Вой старинных часов кончился.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (после молчания). Бронзовые часы? (Смотрит на полуovalный проем в шкафу). А я думаю, чего недостает?

БОРИС. Пустил-таки. (Смеется тихо).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (долго и отчаянно аплодирует). Они молчали. Пустой-на. больше полудня. Гораздо больше. Тесть привез их из своего разрушенного имения. Часы уже и тогда стояли. Я ощущал внутри, что в гостиную не хватает чего-то самого-самого! Чувствую уж не такие. Боренька, позволь мне их поставить на место! Я не устрою. Позволь, а? (Целует сына. Уходит и осторожно вносит старин-

ные фигурные бронзовые часы. Вдвоем ставят их на свое место в проеме шкафа).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Как мог я не заметить их отсутствия?

Суетливо и радостно уносит магнитофон к себе. Борис уходит в свою комнату и, пришедший, проходит на кухню. Из кухни доносится его пенне. Скоро он входит и сервирует стол на два куверта. Ножи, вилки. Вносит фарфоровую супницу. Входит парадно одетый к обеду Евгений Николаевич, садится. Борис ставит коньяк и коньячные рюмки. Разливает бульон.

БОРИС (налил в рюмки). За возрождение. Их.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Бог Хронос — олицетворение начала и вечности мира.

БОРИС. За часы, торопящие нас. (Выпивает).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Куда торопишься?

Борис не ответил. Едят. Молчаливая смена посуды. Второе блюдо подается менее торопливо, чем первое. Легкий звон вилки и ножей.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. М-м-м! (Встает, налил себе в смну коньяку). Великий Остужев любил копаться в замках. Маленькая страсть помогала ему сосредоточиться на больших ролях. А пью эту рюмку за чистые порывы твоей души. (Борис встал). Мать смотрит на тебя и радуется. (Посмотрели на портрет, чокулись и выпили).

Борис уносит посуду.
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (кричит на кухню). Боря, чем хороша жизнь?

БОРИС. Вам лучше знать, вы ее почти прожили.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (решил не обижаться). Тем, что она синхронизирована и нам. Чем совершеннее человечество, тем несовершеннее человек. Но мы многое себе не прощаем. А она, жизнь, прощает и дает человеку возможность преобразиться, даже тогда, когда он поставил на себе крест. (Борис выпивает еще рюмку). Вот. Даже тогда!

Борис вносит кофе. Они пьют его, не спеша, наслаждаясь.

БОРИС. Мать тоже любила пофилософствовать?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Она была лучшей Карениной тридцатых годов. Когда мы были на гастролях в Ленинграде, Тарасова приехала познакомиться с нею. Посмотрела и сказала: «Я так не сыграла».

БОРИС. Конек-то примы?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ничуть. Честно большой актрисы. (Допивает кофе). Только сыграл Каренину, мать решила родить. Играла до последнего. И родила тебя в театральной раздевалке. (Оба смеются).

БОРИС. Сигары?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Только из Гаваны.

Борис подает ему сигарету. Курят, упрятавшись каждый в свое кресло.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Актер Аркадин — известный провинциальный трагик — брал несколько переводов трагедии и составлял из них свой вариант роли. (Молчание).

БОРИС. Теперь я свободен, несите переводы. Евгений Николаевич, как ни в чем не бывало, ушел к себе и вынес четыре перевода трагедии. Один машиннописный, два современных и один в старинном, с золотыми тиснениями, томе.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Этот с ятими! Прошу, сэр! Володя согласился помочь тебе. Чем не герцо Бекингемский? А та не поможет тебе в леди Анне? (Показывает на окно).

БОРИС. Вы прекрасно знаете, что она режизнерша.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Поэтому ты и не вводил ее в дом? Да? (Борис не находит, что ответить). Искусство умирает без поклонников. (Берет в руки журнал). Статья об Энтони Шере — энциклопедия актерской игры!

БОРИС. Сам прочту.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Отсюда. (Подает ему журнал).

БОРИС (читает). «Дневник Энтония Шера, мгновенно разошедшийся среди читающей публики, дает уникальную возможность войти в лабораторию актера, увидеть, как день за днем в муках и сомнениях рождается будущий театральный шедевр». (Молчание). А при чем тут я?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Роли воспитывают нас. Влчность Ричарда вернет тебе актерскую уверенность. Поверь мне, Боренька, эта роль станет оправданием всей твоей жизни. Оправданьем моей никому ненужной старости, наконец. (Зангравил бронзовые часы). Знамение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ
И был понедельник. Борис стоит у окна, слушая сирену и шум отъезжающей машины скорой помощи. Евгений Николаевич в халате, с

(Окончание на 11-й стр.).